

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Гирник М.Н. — «Кон» и «закон» в конституировании социальной реальности // Философия и культура. – 2023. – № 8. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.8.43722 EDN: WPCEWL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43722

«Кон» и «закон» в конституировании социальной реальности

Гирник Мария Николаевна

ORCID: 0000-0002-0338-5175

старший преподаватель, кафедра Истории и философии, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)

119071, Россия, Москва автономный округ, г. Москва, ул. Малая Калужская, 1

✉ ma_nuna@mail.ru

[Статья из рубрики "Социальная философия"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2023.8.43722

EDN:

WPCEWL

Дата направления статьи в редакцию:

05-08-2023

Аннотация: В статье осуществляется изучение феномена кона. Функции кона сравниваются с функциями закона. Конституирование социальной реальности как социально-исторический процесс, устанавливающий базисные категории восприятия обществом своего социального бытия, является объектом исследования. Предмет исследования выступают слабо изученные функции «кона» в конституировании социальной реальности. Методология основана на общетеоретических методах сравнения и типологии. Исследование строится от наблюдения исторического феномена кона к раскрытию эвристического потенциала понятия «кон» для описания явлений современной жизни. Основу методологии составляет теория бинарных оппозиций культуры А.С. Ахиезера, усиленная диалектико-диалогической прагматической моделью метакоммуникации Р.Т. Крэйга. Авторы приходят к заключению, что существуют достаточные основания разграничивать функции кона и закона в конституировании социальной реальности. Функции кона оказываются востребованными в условиях дисфункции закона, однако изменчивость и непостоянство кона также пагубно, как и расширение области беззакония. Социальные функции кона остаются слабо изученными в силу определенным образом настроенной исследовательской оптики,

сконцентрированной на закономерностях управления единственным центром силы слабо организованной периферией. Однако достаточно предположить наличие закономерностей самоорганизации периферии, чтобы монополия применения силы для принуждения к закону приобрела характеристику атавизма в условиях многополярного мира, а диалектико-диалогические закономерности установления кона стали единственной альтернативой игры с нулевым результатом. Эвристический потенциал категории «кон» в полной мере раскрывается в условиях многополярности миропорядка и невозможности диктовать рамки закона силой. Помимо этого, она проявляет отдельные закономерности развития правового нигилизма и полнее представляет причины распространенности коррупции.

Ключевые слова:

кон, закон, социальная самоорганизация, социальная реальность, конституирование реальности, бинарные оппозиции, функции закона, базисные категории, социальная динамика, бытие

Актуальность обращения к теме обусловлена стремлением раскрыть эвристический потенциал сопоставления нетождественных функций «кона» и «закона» как инструмента анализа процессов конституирования социальной реальности. Исторически «кон» предшествует «закону». По мысли Ю. С. Степанова, в русской культуре этимологически «закон» происходит из «кона» («начало» и «конец» – предел) [Степанов 2004, с. 591-592]. Поэтому сама ситуация редукции «кона», – вытеснение его категорией «закон», – особым образом вскрывает вопросы конституирования социальной реальности в русской культуре, остающейся концептуальным базисом не только современной российской правовой культуры, но российской социальности в целом. Поднимаемая проблема, таким образом, непосредственно связана с предметным полем социальной философии в аспекте поиска адекватной социальности в условиях развития и трансформаций российского общества на современном этапе. Хотя в силу определенных обстоятельств она вытеснена из трендов теоретического дискурса и отражена исключительно в историческом контексте архаичной славянской социальности, отраженной в языке [Степанов 2004] и истоках архитектуры русских городов [Мокеев 2001].

Конституирование социальной реальности рассмотрим в качестве объекта, – как социально-исторический процесс, устанавливающий базисные категории восприятия обществом своего социального бытия. Акцент же сделаем на мало изученной функции «кона», указывающей на отсутствие тождества между категориями «кон» и «закон».

Исследование скрепляют общетеоретические методы типологии и сравнения. Методологические затруднения основаны на неоднозначности понятия природы социальности. Благодаря теории конструктивной напряженности А.С. Ахиезера можно разграничить инновационные и традиционные способы реконструирования социальной реальности.

Обращение Г. Я. Мокеева к лингво-археологии древнеславянского концепта «кон» связано именно с синкретичностью его пространственных и ценностных характеристик. «Кон» скреплял правила поведения (уважай, помогай, защищай и т.д.) и структуру обычаев на определенной территории, в обжитом пространстве, указывая одновременно на границы действия социальных норм. По отношению к действию установленных социальных норм определялось и само обжитое пространство, за пределами которого

первоначально требовалось установление кона прежде начала освоения. «Князь» («къpez», изначально «жрец»), согласно исследованию Г. Я. Мокеева, – обозначение социального статуса субъекта, устанавливающего границы действия социальных норм: «къpez», с учетом письменной редукции изречения, дословно значит «кон есть я» [Мокеев 2001]. Отличительной характеристикой кона (в отличие от *за-кона*, за пределами кона) является саморегуляция (установление и коррекция в зависимости от территории) и неотвратимость действия составляющих его правил. Кон близок к понятию обычного права [Винокурова 2019; Дамдынчап 2020; Плоцкая 2019] за исключением принципа установления кона, отсутствующего в обычае. Кон – не обычай сам по себе, а устанавливающий и разграничивающий обычаи предел. Если обычное право является источником и мерилom справедливости права юридического, то кон является источником и мерилom (в том числе и ограничителем) правоты обычного права. Очевидно, в силу именно устанавливающих функций кона, эти функции, как и исконный статус «князя», остаются востребованы в субкультурных образованиях за пределами доминирующих культурных норм [Реент 2009; Чирун 2019; Vincent 2021; Kekoshvili, Slade 2020]. Кон остается востребованным инструментом в нерегламентированной доминирующей культурой сфере социального творчества. И этот аспект социальной самоорганизации остается наименее изученным в силу концентрации теоретического внимания, прежде всего, на законе, вытеснившим феномен кона в маргинальную сферу беззакония.

Г. Я. Мокеев приводит ряд выдержек из текстов, время появления которых (XI–XII вв.) связано с распространением христианства у восточных славян [Мокеев 2001]. Цитаты призваны охарактеризовать существенные расхождения в понятиях кона и закона. Одновременно они свидетельствуют о значимости понятия «кон» в конституировании социальной реальности того времени. По логике Г. Я. Мокеева, слово «кънига» является производным от слияния «кон + иго», т. е. обозначает «скованный» игом-записью кон. Своей мысли он находит следующие подтверждения: «Чесому же суть Словенскы кънигы? Ни того бо есть Бог сотворил, ни то аггелы, ни суть иждекони яко Жидовьскы, и Римскы, и Еллинскы: иже от кона суть и приаты суть Богом» – писал в XII в. «О писменех» черноризец Храбр [Мокеев 2001]. Словянско-христианские книги сразу же зафиксировали значимость понятия «кон»: «Искони бе Слово» – утверждает Остромирово Евангелие XI в.; «Кто не покланяется Исконьному? Кто славить Коньчьнаго?» – восклицал Григорий Назианзин [Мокеев 2001].

Геннадий Яковлевич, отмечает популярность корня кон: «... в нашем языке остались примечательные однокоренные слова: искони, испокон веков, коновод (ведущий, зачинщик), конючить (когда-то кон учить), окончить, докончить (завершить дело), конец (предел явления, край предмета), конец (часть поселения), конура (когда-то небольшое жилище), конечно, кончина, досконально, конченный, бесконечный, исконный, посконный, кондовый...» [Мокеев 2001]. – и заключает, что закон («...означавшим поначалу очевидно свод отрицающих правил: не убивай, не грабь, не уничтожай, не поджигай...») сменяет понятие кона в виду смены родоплеменного строя, живущим по правилам кона: «Имяху бо обычаи свои, и закон отец своих, и предания каждо свои нрав» (ПВЛ, Введ.); «Мы же кляхомся... по закону и по покону языка нашего» (Догов. кн. Олега, 912 г.); «Для чего же закон? – вопрошал апостол Павел, и отвечал, – он дан после, по причине преступлений» (Гал., III:19)» [Мокеев 2001].

Итак, «кон» – частично утраченное обозначение феномена конституирования социальной реальности. Кон не устанавливался в приказном или силовом порядке, а вырабатывался в процессе жизнедеятельности общества, – разыгрывался посредством сакральных магических практик, практик самоуправления и саморегулирования социального бытия.

Он был изначально связан с практическим опытом совместной жизнедеятельности общества и оставался настолько подвижным, что его письменная фиксация (книга), указывала лишь на некоторый устаревший, омертвевший срез социальности. Вместе с тем, следованию кону подрастающее поколение обучалось посредством практик наставничества в различных областях деятельности, включая промысел, ремесла, празднования, дружественные и семейные отношения и проч. Кон оставался важнейшим атрибутом коллективной идентичности. И в этом смысле он близок обозначению общей идентичности – «тотем» в интерпретации А.С. Ахиезера [Ахиезер 1998]. Кон – один из значительных элементов общей культурной идентичности и также как тотем остается чувствительной сферой самоопределения и ориентации в социальной среде. Если тотему А.С. Ахиезер противопоставляет антитотем, то кону противостоит закон, в историко-культурном аспекте справедлива в данном случае теория бинарных оппозиций [Ахиезер 1998, с. 60-68].

Основополагающим правовым концептом культуры России А.С. Ахиезер раскрывает понятие слова «правда», ссылаясь на А.И. Клибанова: «Идеал Правды в народной утопии "представляет собой предвосхищение совершенного состояния рода человеческого на земле. Он необходимо включает представления и убеждение, что предельно-совершенное состояние является изначальным и непреходящим достоянием человеческого рода на земле, не химерой, не воображением, а реальным достоянием, насильственно отчужденным, однако, и подлежащим возврату по законной принадлежности"» [Ахиезер 1998, с. 76-77]. Из сказанного очевидно, что неписанный закон мироздания занимает сакральное место во всей системе конституирования социальной реальности. А.С. Ахиезер пишет: «Способность древних славян воспроизводить локальные сообщества является исходной клеточкой, если угодно, логическим и конкретно-историческим началом дальнейшей государственной истории страны. Эта исходная клеточка существует не только как социальное сообщество, как некоторая система социальных отношений, но и как содержание ее специфической культуры, как всеобщая основа производственной деятельности, соответствующая конструктивная напряженность» [Ахиезер 1998, с. 81]. Отсюда, мир – как саморегулирующаяся община, живущая общими нормами, не договоренными, а «изначальными», соответствующими общим космогоническим представлениям [Ахиезер 1998, с. 87]. Ахиезер обращает внимание на специфику вечевых решений: решение вече не допускает возможности альтернативного мнения. Решение вече и есть кон, рубеж правды [Ахиезер 1998, с. 88]. Всё, что соответствует принятому на вече групповому решению – кон, всё иное – беззаконие и своеволие. Вечевой идеал, таким образом, усиливает локализацию общества вокруг тотема (кона), соответствует древнейшим формам табулирования деятельности, исключая индивидуально-личностные проявления автономии, её самоначала, т. е. изначально ограничивает право на своеволие. На уровне небольшого локализованного социума вечевой уклад схож с идеей общественного договора. Но отличительной чертой вечевого уклада является неконвенциональный тип принятия решений: не договор между субъектами на основе компромисса, а единое бескомпромиссное мнение субъектов, подкрепленное практическим опытом – соборное мнение, которое принадлежит всему вече, а не какому-либо его элементу. Никто не может присвоить себе авторство этого мнения, а тем более требовать по этой причине каких-либо социальных преференций.

Историко-культурные основания позволяют подчеркнуть основную отличительную особенность кона от вытеснившего его закона. Закон приходит на смену кону благодаря социальной дифференциации и установлению монополии на применение силы. Наличие механизмов силового санкционирования, принуждения является базовым основанием

применения закона. Но исключает ли наличие силовых инструментов практики конституирования социальной реальности посредством кона?

Наш основной тезис заключается в утверждении, что силовые механизмы, какими располагает государство и обеспеченные собственной службой безопасности корпорации, не могут полностью регламентировать сферу социального творчества. Речь идет не только о маргинализированных сферах за пределами узаконенных норм доминирующей культуры. В попытке очертить общее поле теорий коммуникации, Р.Т. Крэйг указал, на доминирование в теории и практиках управления социальной коммуникацией её кибернетической модели [Craig 1999]. Этот тренд, на наш взгляд, в условиях снижения роли ориентационной функции сознания и доминирования проектной [Момджян 2021, с. 42, 45–46], мешает теоретикам исследовать реально происходящих изменений, обусловленных интенсивной информатизацией общественных отношений. Кибернетический механизм срабатывает лишь в исключительных условиях монополии применения силового принуждения периферии центром силы, т. е. в условиях закона. Отсутствие же таких оснований, к примеру в области международных отношений, когда в игру втянуты несколько центров силы при условии этического табуирования её применения, актуализирует кон как инструмент установления глобальной или региональной повестки дня. Кто определяет актуальную повестку, тот и на коне (на кону).

Сегодня вполне очевидным становится факт игровой специфики совокупности международных отношений. Экономические, юридические и силовые факторы далеко не всегда предопределяют правила игры. Информация и дезинформация, пропаганда, легитимизация и дискредитация источника информации, как определяющего устойчивые ориентиры общественного сознания и социального развития центра, являются сегодня решающими инструментами влияния. Борьба разворачивается как раз вокруг кона. Кто определяет пределы дозволенного (т. е. кон), тот и обладает реальной политической силой – тот и устанавливает конституирующие социальную реальность нормы. Но вместе с тем, обостряется дилемма однополярного влияния, одностороннего санкционирования правил игры [Тимофеев 2019], даже при условии реформирования под нужды стремящегося к доминированию центра общей истории ведущих стран мира [Пузанова и др. 2020].

Технологии искусственного интеллекта создают условия концентрации факторов глобального влияния в одних руках и не факт, что эти руки останутся в ближайшем будущем под контролем человека [Смолин 2020]. Но тревожит ведь не сам факт автоматизации принятия решений. Тревогу вызывает исключение человека из процедуры принятия решений, которая непосредственно переплетена с установлением кона – правил игры и пределов их релевантности, – установления Правды. Вызывает имплицитную тревогу вытеснение человека из области конституирования социальной реальности в область исполнения жестко программируемого закона. Тождество закона при отсутствии правды и справедливости обрекает человечество на бесправное и безвольное механическое существование. И именно это оказывается этически неприемлемым, поскольку граничит с первым шагом к самоуничтожению вида.

Если исторически развитие механизмов самоорганизации общества связано с установлением кона в непосредственном опыте совместной жизнедеятельности, возможно полное исключение этого живого механизма социального творчества из социальных практик ведет к деградации социальности?

Рассмотрим, исходя из утверждения значимости кона в социальном творчестве, т. е. в

практиках социальной самоорганизации и саморегуляции, проблему борьбы с коррупцией.

Интересное наблюдение сделали психологи Высшей школы экономики на основе социологических замеров: страдание, связанное с тревогами, обуславливает приемлемость коррупции [Миронова, Татарко 2021]. Если же детализировать функции коррупции («упрощение административных связей, ускорение принятия управленческих решений, сокращение и ослабление бюрократических барьеров, перераспределение ресурсов в условиях их дефицита; “обеспечение незаконным путем объективной потребности”, не удовлетворенной в должной мере нормальными социальными институтами» [Егорышев, Егорышева 2021], то коррупция оказывается наиболее рациональным способом преодоления или предотвращения страдания в краткосрочной перспективе в условиях дисфункции социальных норм. При этом представляет опасность в среднесрочной и отдаленной перспективе не сама форма установления особых правил игры (кона) в условиях дисфункции закона, а исключение функции закона из конституирования социальной реальности при институционализации коррупции. Т. е. получатель выгоды от коррумпированной схемы пользуется не столько необходимостью установления особых правил игры (кона), сколько от ситуации постоянной смены правил игры (нарушений кона в условиях дисфункции закона). Ситуация установления кона вне закона дает преимущества диктующей условия игры стороне. Пагубный же эффект провоцирует не сам кон, а неустойчивость кона, обуславливающая невозможность установления и исполнения закона.

До недавнего прошлого российским автомобилистам была хорошо известна ситуация непреодолимого характера в личных взаимоотношениях с дорожными инспекторами, когда исполнение закона (правил дорожного движения (ПДД) и штрафов за их нарушение) оказывается экономически нерентабельной и нерациональной. Условием дисфункции закона в такой ситуации является сама возможность избежать обеими сторонами законных санкций или неосведомленность одной или обеих сторон о степени защищенности права избежать законным образом ущерба. Как правило игровая ситуация установления кона в «беседе» с дорожным инспектором касается ситуаций с реально отсутствующей пострадавшей стороной, т. е. правонарушения связаны единственно с соблюдением сторонами дисциплины, прописанной в ПДД. Если мзда дешевле законного штрафа при невозможности обеспечить неотвратимость законного наказания, то законная санкция всегда оказывается лишь угрозой, обеспечивающей «блюстителю порядка» преимущественное положение в установлении правил игры на дороге (кона). ПДД на самом деле регулярно «переписываются» водителями и инспекторами по обоюдному согласию при условии отсутствия пострадавшей стороны. Опять же не сам факт установления кона является препятствием к установлению законного порядка, а отсутствие механизма принуждения к соблюдению последнего. Там, где нет причин соблюдать закон, срабатывает кон – его установление оказывается рентабельнее и рациональнее.

Конечно же, в нашем случае речь идет не об оправдании коррупции, а о констатации социальных практик установления кона в условиях нерентабельности закона. Угрозу обществу, на наш взгляд, представляют не эти практики сами по себе, а преднамеренное создание условий, когда разрешение конфликтной ситуации возможно исключительно за рамками закона, когда происходит преднамеренная дискредитация закона с целью получения выгоды или иных преимуществ от его дисфункции.

Таким образом, существуют достаточные основания разграничивать функции кона и закона в конституировании социальной реальности. Функции кона оказываются

востребованными в условиях дисфункции закона, однако изменчивость и непостоянство кона также пагубно, как и расширение области беззакония. Социальные функции кона остаются слабо изученными в силу сконцентрированности исследований на закономерностях управления единственным центром силы слабо организованной периферией. Однако достаточно предположить наличие закономерностей самоорганизации периферии, чтобы монополия применения силы для принуждения к закону приобрела характеристику атавизма в условиях многополярного мира, а диалектико-диалогические закономерности установления кона стали единственной альтернативой игры с нулевым результатом.

Библиография

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. I: От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.
2. Винокурова М.В. Свобода и зависимость в отношениях лендлордов и горожан в обычном городском праве средневековой Англии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 3. С. 951–967.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.308>
3. Дамдынчап В.М. Уложение китайской палаты внешних сношений как источник обычного права тувинцев // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 1. С. 17–25. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-47-1-17-25
4. Егорышев С.В., Егорышева Е.А. Коррупция: институциональные признаки, социальные детерминанты и последствия // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. № 2. С. 253–264.
5. Миронова А.А., Татарко А.Н. Психологические причины коррупции: роль тревоги // Экономическая социология. 2021. Т. 22. № 1. С. 11–34.
6. Мокеев Г. Я. Триста рыцарей Арея. О происхождении древнерусских городов. // Новая книга России 2001 №10. С. 52–56.
7. Момджян К.Х. К вопросу о конструировании социальной реальности // Философский журнал. 2021. № 4. С. 38–52.
8. Плоцкая О.А. Обычно-правовой опыт предупреждения преступности в обычном праве пермских народов // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 2. С. 354–364.
9. Пузанова Ж.В., Нарбут Н.П., Ларина Т.И., Тертышникова А.Г. Типология исторической памяти о Второй мировой войне: методологические аспекты изучения (на примере студенчества РУДН) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. № 2. С. 292–306.
10. Реент Ю.А. Социально-психологические особенности криминальной стратификации осужденных в России // Прикладная юридическая психология. 2009. № 3. С. 6–14.
11. Смолин В.С. Перспективы человека в эпоху технологической сингулярности // Epistemology & Philosophy of Science. 2020. № 2. С. 192–207.
12. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
13. Тимофеев И.Н. Политика санкций: однополярный или многополярный мир? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. № 3. С. 9–26.
14. Чирун С.Н. Молодежное «Ауе» как интегральный феномен российского постмодерна // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 1 (149). С. 49–65.

15. Craig R.T. Communication Theory as a Field // Communication Theory. 1999. Vol. 9. Is. 2. P. 119–161.
16. Kekoshvili V., Slade G. Prisoner Games Children Play // Problems of Post-Communism. 2020. Vol. 67. Is. 3. P. 277–287.
17. Vincent M. Criminal Subculture in the Gulag: Prisoner Society in the Stalinist Labour Camps. London: Bloomsbury, 2021.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляет собой компактное, но исключительно интересное исследование роли понятия «кон» в становлении социальности и правового сознания современного российского общества. Автор привлекает внимание читателя к малоизученной проблеме соотношения «кона» и «закона», указывает на исторические и лингвистические аспекты появления этой темы в поле социально-культурных исследований. Следует также указать, что статья написана в русле «конструктивистских» тенденций изучения социальной реальности, автор подходит к социальности как системе отношений, которая не «преднайдена» исследователем, а конституируется в качестве особого предмета на основании теоретических и практических потребностей современного общества. Соответственно, и в сфере интереса исследователя появляются концепты, прежде вытесненные из области социального познания или не допускавшиеся в эту область, как понятие «кон», жившее длительное время только в качестве элемента народной культуры, в которой внутренняя регламентация поведения (имеющая к тому же «положительную», а не «запретительную» направленность, что приобретает ключевое значение в процессе воспитания детей и юношества) сохраняла определённую «автономию» даже перед лицом авторитарно утверждённого «закона». Однако автор справедливо указывает, что и сегодня «кон остается востребованным инструментом в нерегламентированной доминирующей культурой сфере социального творчества. И этот аспект социальной самоорганизации остается наименее изученным в силу концентрации теоретического внимания, прежде всего, на законе, вытеснившим феномен кона в маргинальную сферу беззакония». Основная мысль статьи об актуальности «кона», необходимости восстановления внутренне мотивированного «утвердительного» по своему характеру социального порядка основывается на убеждении, в соответствии с которым «закон» и устанавливающее и контролирующее его исполнение государство не могут и не должны вытеснять социальное творчество народа. Поддерживая этот тезис автора, подчеркнём, что «закон» как формальное и «внутренне пустое» правило социального поведения, как показывает социально-историческая практика, на определённом этапе эволюции общества неизбежно вырождается, ведёт к деградации общественных отношений, регламентированных формальными запретами. «Кон» связывает «формальное право» с историей и культурой народа, обеспечивая возможность использовать историческое наследие в качестве основания социального творчества и новых социальных практик. К сожалению, в тексте остались некоторые погрешности, например: «Основополагающим правовым концептом культуры России А.С. Ахизер раскрывает понятие слова «правда», ссылаясь...» (отсутствие согласования в предложении); «Отсюда, мир – как саморегулирующаяся община...» (в русской речи тире и «как» несовместимы); «подчеркнуть основную отличительную особенность кона от вытеснившего его закона» («в сравнении с законом?») и т.п. Однако подобные

погрешности можно устранить в рабочем порядке, они не препятствуют возможности публикации рецензируемой статьи. Рекомендую статью к печати в научном журнале.